

Когда подпирать стены отдела кадров стало совсем не вмоготу, меня вдруг вызвали в кабинет. Вручая направление, непрерывно повторяли: — Срочно! Судно на отходе. Всё завертелось. Быстро оформив необходимые документы и заскочив домой, уже вечером я принимал дела. Судно стояло, загруженное пиломатериалами на Булонь. Есть такой маленький портик на северном побережье Франции. По чьему-то непонятному приказу оставалось только сменить команду. Народ собирался отовсюду: из отгулов, отпусков, с других теплоходов. Притираться предстояло в рейсе. Последней на борт прибыла наша повариха. Когда она вошла в кают-компанию, все аж рты разинули. Пышный бюст и широкий стан при довольно пропорциональном сложении поневоле притягивали взгляды. Пухлые губы придавали её симпатичному лицу особую привлекательность. И всё это — при росте где-то метр девяносто! — Меня зовут Марина, — поздоровавшись, представилась она и покраснела. Как очень скоро выяснилось, девушка оказалась скромной. Неудивительно, что с самого начала рейса воздыхателей, явных и тайных, у Марины появилось больше чем достаточно. Но все их старания были напрасными. Она даже не отвергала ухаживания своих поклонников. Она их просто игнорировала. Не замечала и всё. Некоторых это просто ввергало в депрессию. Как-то проверяли мы с боцманом крепление груза. И вот, пока ходили по палубе, он не переставал жаловаться.

— Ну что за времена? Что за женщины? Раньше, бывало, познакомишься, купишь мороженое за тринадцать копеек, прокатишь на трамвае, — и она твоя. А теперь?... — сокрушённо качал головой красавец-мужчина. Тем не менее Марину в команде полюбили. Была она добрая, на шутки не обижалась, и очень скоро ни одни судовые сиделки без неё и представить себе стало невозможно... Винты упрямо молотили воду. Вахты сменялись вахтами. Так и дошли мы до этой самой Булони. Ла-Манш встретил проливным дождём и тяжёлой волной с Атлантики.

— Через десять минут будем в точке встречи лоцманов, — доложил я капитану. — Штурман, иди сам, проследи, чтобы всё было путём, — повернулся он ко мне. Я надел плащ, натянул капюшон и спустился на палубу. Лоцманский трап был надёжно закреплён. У открытого полубортника ёжился промокший боцман. Не успели мы перекинуться несколькими фразами, как выскочивший из-за стены дождя катер подошёл к нам и застопорил ход. По трапу стал карабкаться человек в оранжевом плаще. Мы с боцманом подхватили его под руки, поставили на палубу и удивлённо переглянулись. Дело в том, что лоцман был, мягко говоря, роста значительно ниже среднего. Высоченные каблуки и огромные поля фуражки только подчёркивали это. Но наши взгляды его нисколько не смутили. На моё приветствие он ответил на хорошем английском, и мы потопали наверх.

Открыв дверь рубки, я пропустил его вперёд и вошёл следом. Мне очень хотелось понаблюдать за реакцией капитана, но тот грозно глянул, давая понять, что пора делом заниматься. И то верно, ведь видимость была практически нулевая. Лоцман, сбросив плащ и сняв фуражку, задал несколько дежурных вопросов и включился в работу. Команды посыпались одна за другой. Началась проводка. Шли по счислению, а нужно было обсервованное место для контроля. Капитан, заглядывая мне через плечо, уже несколько раз нетерпеливо цокал языком. Наконец, зацепив несколько надёжных ориентиров, я положил

точку. Капитан, взглянув на карту, улыбнулся. Лоцман работал классно. И делал это с каким-то особым достоинством. Прошли входную дамбу. Напряжение спало.

— Позвони на камбуз. Надо бы мистера пайлота покормить, — наклонился ко мне капитан. — У меня всё готово, — ответила телефонная трубка голосом поварахи. Через пару минут дверь открылась, и перед нами предстала Марина! В белоснежной куртке, в накрахмаленном колпаке (это при её-то гренадёрском росте!), раскрасневшаяся от ходьбы по трапам, она стояла и держала в руках поднос с угощениями. Лоцман повернулся, и его глаза начали округляться. Но только начали... Он моментально взял себя в руки, подскочил к поварахе, поправив на ходу галстук, подхватил поднос и поставил на стол. Никто из нас даже не успел сообразить, что происходит, как он придвинул стул, запрыгнул на него и, уравнившись ростом с Мариной, звонко чмокнул её в щёку. — О-ля-ля, мадмуазель, — нежно проворковал он и спрыгнул со стула. Марина, вдруг, стала пунцовой. Выручил её капитан.

— Мариночка, спасибо. Вы свободны, — с улыбкой сказал он. Та повернулась и, как лебедь, выплыла из рубки, провожаемая восхищённым взглядом француза. Потом была швартовка под проливным дождём. Когда, провожая лоцмана, я пожал ему руку, то почувствовал, что прощаюсь с настоящим мужчиной. Позже, подходя к кают-компани и слыша взрывы смеха, я уже представлял себе, что там происходит. Предчувствие меня не обмануло. Вокруг сидящей за столом Марины покатывались от хохота моряки, уже, наверное, не первый десяток раз пересказывая на все лады только что случившееся. Меня же сразу поразила одна деталь. Как только история подходила к описанию лоцмана, глаза Марины заволакивались странным сиреневым туманом, а губы расплывались в улыбке. — Ну и дела, — подумал я: — Сколько и каких парней чуть ли не месяц штурмовали эту крепость, а какому-то недомеренному французу оказалось достаточно минуты, чтобы тронуть неприступное сердце. Вот и пойми после этого женщин